

учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», одной из задач которого является проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов [12], возможно, именно в рамках функционирования указанного учреждения целесообразно проводить исследования на соответствие действующего или же проектируемого уголовного закона (уголовно-правовой нормы) совокупности криминологических знаний о преступности. Проведение таких исследований в целом не противоречит имеющим место научным подходам к пониманию сути криминологической экспертизы [19, с. 17–22], однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

1. Волженкин Б.В. Уголовное право и криминология // Правоведение. 1976. № 2.
2. Герцензон А.А. Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). М. : Юрид. лит., 1970.
3. Гомонов Н.Д. О предмете современной криминологической науки // Вестн. МГТУ. 2004. Т. 7. № 1.
4. Жалинский А. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголов. право. 2005. № 1.
5. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права : учеб. для вузов. М. : Юрист, 1995.
6. Козаченко И.Я. Криминологическая обусловленность уголовно-правовых норм // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика : сб. ст. / Рос. криминол. ассоц. ; редкол.: А.И. Долгова (отв. ред.) [и др.]. М., 2002.
7. Криминологический мониторинг состояния преступности в Санкт-Петербурге и прогнозирование ее изменений : науч.-практ. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2011.
8. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журн. рос. права. 2005. № 4.
9. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Там же. 2004. № 12.
10. Милуков С.Ф. Проблемы криминологической обоснованности российского уголовного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2000.
11. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм : учеб. пособие. Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1973.
12. О криминологической экспертизе : указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 : в ред. указа Президента Респ. Беларусь от 6 июня 2011 г. № 230. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Орехов В.В. О социологических исследованиях в уголовном праве // Вестн. ЛГУ. Сер. 6. 1991. Вып. 1.
14. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1965.
15. Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. Минск : Наука и техника, 1979.
16. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М. : Юрид. лит., 1986.
17. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.
18. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во ТГУ, 1981.
19. Хомич В.М. Криминология правообразования, или К вопросу о сущности и понимании криминологической экспертизы // Законность и правопорядок. 2007. № 1.
20. Шарапов Р.Д. Парадигма взаимодействия уголовного права и криминологии (на примере криминологической теории насильственной преступности) // Юрид. наука и правоохран. практика. 2006. № 1.
21. Шнайдер Г.Й. Криминология : пер. с нем. М. : Прогресс – Универс, 1994.
22. Яковлев А.М. Социология преступности (криминология) : Основы общей теории. М. : Содействие : Новый век, 2001.

Дата поступления в редакцию: 14.10.2011

УДК 343

*Т.Г. Терещенко, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Исследуется исторический аспект развития уголовной ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений с момента зарождения уголовно-правовых норм и до советского периода. Приводится анализ основных памятников права Беларуси, Российской империи и интерпретация норм права учеными современности. Автором проведен системный анализ указанных положений как с точки зрения формирования конструкции преступления, описания его признаков, так и с позиции установления конкретных санкций за его совершение.

The article deals with historical aspects of criminal liability for intentional infliction of grievous bodily harm since the inception of criminal law and to the Soviet period in history: an analysis of the major monuments of law in Belarus, the Russian Empire and the interpretation of the law scholars today. The author carried out a systematic analysis of these provisions, both in terms of forming design crimes, descriptions of his symptoms, so from a position of establishing specific penalties for its commission. The article is of particular interest for the present, to explore approaches to the assessment of lawmakers acts recognized as criminal.

Здоровье человека являлось одним из важных правоохраняемых благ во все времена. С позиции современного правового регулирования уголовной ответственности за посягательство на данный объект имеет большой интерес историческое исследование данного вопроса в целях уяснения подходов законодателей в различные эпохи к уголовно-правовой оценке умышленного причинения вреда здоровью, определению характера и степени его общественной опасности.

Настоящая статья посвящена анализу законодательства Беларуси, действовавшего в досоветский период его развития, в части закрепления уголовной ответственности за одно из опасных посягательств на здоровье человека – умышленное причинение тяжкого телесного повреждения. Основой настоящего исследования явились как первоисточники (соответствующие уголовно-правовые нормы законодательства Беларуси), так и их интерпретация такими учеными, как М.А. Максимейко, Г.В. Демченко, М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.С. Таганцев и др.

В Беларуси до XIII–XIV вв. действовала система неписаных правил поведения. Однако уже в привилее Витовта 1388 г. содержатся уголовно-правовые нормы, охраняющие здоровье человека. В данном документе предусматривалась ответственность за причинение телесных повреждений христианином еврею «водлуг обычая нашей земли яко шляхтичу». Но указанная норма не содержала конкретизацию степени тяжести причиненного повреждения, сведения о возрастном статусе виновного лица и предусматривала принцип талиона за совершение противоправного деяния [1, с. 24].

Длительным господством обычая объясняется отсутствие кодификационной деятельности в государстве вплоть до XV в. Первый законодательный сборник уголовного права был создан лишь в 1468 г. и именовался Судебником Казимира, но в нем содержались нормы об имущественных преступлениях. Ответственность же за преступления, посягающие на здоровье человека, в Судебнике не предусматривалась.

Судебник Казимира явился началом законотворчества в Беларуси, которое в дальнейшем получило свое развитие с принятием Статута Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1529 г.

Следует отметить, что хотя в Статуте отсутствовало понятие тяжкого телесного повреждения, но в нем упоминались некоторые виды телесных повреждений, которые можно отнести к тяжким в силу степени причиненного вреда здоровью: выбивание глаза, обрезание ноги, руки, уха (арт. 9 разд. 7) [2]. В арт. 10 разд. 7 указанного Статута имелось положение о наступившей смерти от причиненных ран. При этом понятия «раны», «битье», «зранил», «збил» встречаются достаточно часто в этом разделе, но анализ соответствующих статей не позволяет выявить существенную разницу между ними, поскольку сам законодатель не разделял телесные повреждения в зависимости от степени тяжести.

За причинение тяжких телесных повреждений по сравнению с менее тяжкими и легкими – ранения лица, побои, вырывание бороды – предусматривалась повышенная уголовная ответственность: денежный штраф (навязка) в пользу «укривженого» в сумме половины штрафа от размера головщины – 6 р. (штраф за убийство человека – 12 р.), за причинение же легких и менее тяжких телесных повреждений предусматривались штрафы в сумме 30 коп и 40 коп соответственно.

Объективную сторону рассматриваемого преступления составляло конкретное противоправное деяние, от которого наступало последствие в виде обрезания ноги, руки, выбивания глаза, хромоты, наступления смерти. В нормах Статута не содержалось положений, конкретизирующих способы совершения данного преступления.

Поскольку в Статуте отсутствовали общие положения, касающиеся признаков субъекта преступления, в том числе и минимального возраста наступления уголовной ответственности, вывод о том, с какого возраста наступала ответственность конкретно за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, сделать не представляется возможным. Законодатель лишь упоминает, что лицо не может быть «обвинено в злодействе в силу молодости лет». В последующих Статутах 1566 г. и 1588 г. указывается минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности – 14 и 16 лет соответственно, в связи с чем надо полагать, что понятие «молодость лет» определяет именно указанный возраст.

Относительно субъективной стороны рассматриваемого преступления следует отметить, что уже тогда законом разделялось причинение телесного повреждения в зависимости от вины (умышленно и «по нечаянности») (арт. 24 разд. 7). Однако дифференциация ответственно-

сти за такие деяния законом не проводилась: за причинение как умышленных, так и неосторожных телесных повреждений Статут предусматривал только один вид наказания – штраф, причем сумма штрафа не конкретизировалась в зависимости от формы вины.

Статут 1529 г. явился основой для дальнейшего развития уголовного законодательства страны, что проявилось в принятии Статута 1566 г.

По сравнению с ранее действовавшим Статутом в Статуте 1566 г. был расширен перечень тяжких телесных повреждений: впервые упоминается о лишении парных органов – двух рук, ног, глаз, ушей, за что предусматривалось наказание в виде штрафа в размере 100 коп и тюремное заключение на срок один год и шесть недель; «рана, з якой выбираемо кости», «рана, от которой замкнуло речь», за совершение которых предусматривались наказания в виде штрафа в сумме 30 коп и тюремного заключения на срок один год шесть недель и штрафа в сумме 100 коп соответственно (арт. 13 разд. 11) [3]. В указанном Статуте впервые встречается синоним «тяжкого телесного повреждения» – «значная рана», поскольку законодатель описывал данным сочетанием признаки, присущие данному виду преступления.

Характерно для Статута также и то, что элементы, которые охватываются объективной стороной преступления (способ, время, место и т. д.), в нем трактовались как обстоятельства, усиливающие ответственность за преступление, что, как правило, отражалось на санкциях. Так, за причинение тяжких телесных повреждений «в костеле», «на цвинтару», «в школе», «поповском доме» предусматривался гвалт в размере 12 р., причинение телесных повреждений при помощи кия усиливало ответственность и влекло за собой наказание в виде штрафа в сумме 40 коп (арт. 3, 13 разд. 11).

В отличие от Статута 1529 г. Статут 1566 г. установил общую норму о возрасте наступления уголовной ответственности – 14 лет, однако возрастной дифференциации в зависимости от видов преступлений акт не содержал.

Несколько изменился подход к определению субъективной стороны исследуемого преступления. Статут ввел понятие «злой умысел», который влиял на ответственность и за причинение тяжких телесных повреждений (арт. 18 разд. 11). О причинении же тяжких телесных повреждений по неосторожности Статут не упоминал вообще.

Более полную конкретизацию регулирования ответственности за телесные повреждения мы находим в Статуте 1588 г. Помимо уже закрепленного определения тяжкого телесного повреждения как «значной раны» закон ввел понятие «шкодливая рана», к которой согласно арт. 27 разд. 11 отнес следующие повреждения: обрезание руки, ноги, уха, губы, выбивание глаза, ослепление на один глаз, обрезание парных органов, повреждение ног, от которых наступила хромота сроком более чем на один год, рана на голове, от которой потерпевший потерял речь, кровавая рана на голове, «з которой выбираемо кости» [4].

Объективная сторона указанного преступления, как и прежде, выражалась в конкретных действиях. Но последствия, наступавшие в результате, получили дальнейшую конкретизацию: «член адпаў», «галаву параніў і з-за той раны пацярпеламу мову адняло...». Признаки объективной стороны преступления (способ, время, место и т. д.) в Статуте трактовались также, как в предыдущем, т. е. усиливали ответственность за преступление. Однако их перечень расширился по сравнению с предыдущей редакцией: «в зваде вечерней», «на господарском дворе», «на проезжей дороге», «в школе», «поповском або казнадейском доме» (арт. 3 разд. 11).

В Статуте 1588 г. уже можно наблюдать деление рассматриваемого состава преступления в зависимости от квалифицирующих признаков, хотя оно было несколько условно и казуистично. Так, в арт. 15 разд. 11 указывается случай причинения тяжких телесных повреждений, повлекших прерывание беременности, что являлось квалифицирующим признаком и предусматривало наказание в виде лишения свободы на срок три месяца или смертную казнь (действовал сословный принцип). Квалифицирующим признаком, также усиливающим ответственность, считалось причинение тяжких телесных повреждений не боевой амуницией, а ножом, кинжалом, пуйналом – применялся принцип талиона (арт. 16 разд. 11).

Согласно Статуту 1588 г. субъектом преступления могло быть только вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет на момент совершения преступления. Данные положения были, безусловно, прогрессивными для своего времени, поскольку памятники права эпохи феодализма все еще содержали положения о раннем возрасте привлечения к уголовной ответствен-

ности. Применительно к рассматриваемому преступлению, как и к другим, разграничений по возрасту Статут не предусматривал.

В Статуте достаточно четко впервые очерчивалась регламентация стадий совершения рассматриваемого деяния в формах покушения и оконченного действия: «обнажил меч, но никого не зранил». При этом законом уже выделялись тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть: «ранил, а от тоей раны умер». Однако отношению к наступлению смерти с точки зрения формы вины в Статуте не было дано оценки. Указанная норма конкретизировалась по сравнению с предыдущей редакцией Статута: уточняется временной период, после которого могла наступить смерть и следовала только уплата штрафа за причиненные раны (24 дня).

Раскрывая сущность субъективной стороны рассматриваемого преступного деяния, следует отметить, что в Статуте 1588 г. разграничивалась ответственность за причинение тяжкого телесного повреждения в зависимости от формы вины – умысла или неосторожности. За причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности предусматривался только штраф, а за причинение тяжкого телесного повреждения со «злым умыслом» действовал принцип талиона (членовредительство) и применялся штраф. Однако по Статуту 1529 г. форма вины не влияла на вид применяемого наказания, а упоминание совершения преступления по неосторожности в Статуте 1566 г. вообще отсутствовало.

Исследуя санкции, установленные в Статуте 1588 г. за причинение тяжких телесных повреждений, следует отметить, что указанное преступление каралось в некоторых случаях смертной казнью (действовал сословный статус), по принципу талиона, денежными штрафами в пределах от 30 до 100 коп, лишением свободы на срок от шести недель до шести месяцев. За иные менее тяжкие и легкие телесные повреждения применялись только штрафы. Таким образом, законодатель закреплял повышенную степень общественной опасности умышленного тяжкого телесного повреждения.

Статуты ВКЛ действовали на территории княжества длительное время, вплоть до разделов Речи Посполитой и присоединения государства к Российской империи. В дальнейшем применялось российское законодательство. Наиболее значительными историческими документами, содержащими нормы о причинении тяжких телесных повреждений, являются Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г.

В ст. 1948 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривалась ответственность за причинение «тяжких увечий или иных важных в здоровье или телесных способностей повреждений», к которым законодатель относил лишение зрения, языка, слуха, руки, ноги, детородных органов, неизгладимое обезображение лица [5]. Статья 1952 предусматривала ответственность за причинение тяжелых ран, которые зависели от ряда критериев: рода раны и орудия, которыми она причинялась, важности части тела, подвергшейся ранению, длительности болезни потерпевшего, неспособности последнего к его обычным занятиям и работам. Статья 1960 определяла наличие побоев, подвергающих опасности жизнь потерпевшего в момент их причинения. Также к разновидностям тяжких телесных повреждений закон относил повреждение здоровья путем использования ядовитых или других вредных веществ, если болезнь или расстройство будут признаны неизлечимыми (ст. 1957), употребление ядовитых или сильнодействующих веществ, использование других средств с намерением причинить лицу расстройство умственных способностей (ст. 1958). Частично виды тяжких телесных повреждений дублируются, некоторые из них являются новыми по сравнению с ранее приведенными памятниками права.

Законодатель описывал способы причинения телесных повреждений: нанесение удара, использование орудий, что отражалось на индивидуализации наказания (как правило, усиливало ответственность). Помимо этого усиливали уголовную ответственность: степень жестокости совершенного преступления, мера опасности для жизни, здоровья; важность последствий для средств существования и пропитания в будущем потерпевшего, а также другие обстоятельства, которые законодатель не конкретизировал в данной норме (ст. 1948).

Согласно ст. 98 субъектом данного преступления не могли выступать малолетние, так как они не имели понятия о своем действии, а также безумные от рождения или сумасшедшие. Статья 101 определяла возраст привлечения к уголовной ответственности (7 лет). Разделения по возрасту, с которого наступала уголовная ответственность за отдельные виды преступлений, в законе не имелось. Статья 1957 содержала перечень специальных субъектов умышлен-

ного причинения тяжкого телесного повреждения: врач, фармацевт, повивальная бабка. Данные положения являлись новеллой.

Исследуя вопрос о субъективной стороне состава преступления, следует уточнить, что закон разграничивал причинение тяжких телесных повреждений с заранее обдуманном умыслом и намерениями, а также без обдуманного заранее намерения. По форме вины разграничивались виды наказаний: более тяжкие наказания применялись в случае совершения умышленного преступления. Усиливало уголовную ответственность причинение «тяжкого увечья, или повреждения здоровью, обезображение лица, сопровождаемые истязаниями или иными мучениями», наступившая смерть от ранений, причинение телесного повреждения беременной женщине, отцу, матери. По общему положению за причинение тяжких телесных повреждений предусматривались следующие виды наказаний: лишение всех прав состояния, ссылка на каторжные работы на заводы от четырех до шести лет, наказание плетьюми от 30 до 40 ударов, клеймение. Данные виды наказаний являлись одними из самых строгих из всей системы уголовных наказаний, предусмотренных в законе за преступления, и карались наряду с государственной изменой и посягательством на жизнь императора.

Система деления телесных повреждений на увечья, раны и иные повреждения просуществовала в уголовном праве до принятия Уложения 1903 г. Составители объяснительной записки к Уголовному уложению исходили из того, что за основу для разграничения различных видов телесных повреждений следует принять границы только по признаку анатомо-патологическому [7, с. 325].

В Уложении 1903 г. законодатель предложил иную классификацию тяжких телесных повреждений, выделив следующие виды: расстройство здоровья, опасное для жизни; душевную болезнь, потерю зрения, слуха, языка, руки, ноги, производительной способности (ст. 467) [6].

В соответствии со ст. 2 Уложения исследуемое преступление впервые относилось к категории тяжких, поскольку за преступное деяние предусматривалась законом высшая мера наказания – каторга на срок не свыше восьми лет. Ранее система деления преступлений в зависимости от степени тяжести законодателем не предусматривалась. Также действовал ряд ограничений, связанных с совершением указанного преступления: лишение почетных титулов, чинов, званий, пенсий, права наследования, имущественных прав и т. д. (ст. 25–30).

В отличие от предыдущего Уложение 1903 г. субъектом преступления признавало лицо, достигшее возраста 10 лет, которое могло понимать свойство и значение совершаемого им деяния и руководить им. По сравнению с иными памятниками права законодатель впервые разграничил по возрастному критерию и степени тяжести совершенного преступления место отбывания наказания. Так, за совершение тяжкого телесного повреждения и ряда иных тяжких преступлений в возрасте от 14 до 17 лет лицо отбывало наказание в воспитательно-исправительном учреждении.

В Уложении 1903 г. получила конкретизацию общая норма о субъективной стороне составов преступлений. На основании общего определения понятия умысла определялась вина лица при причинении тяжких телесных повреждений. Закон устанавливал уголовную ответственность за наличие умысла и за причинение тяжкого телесного повреждения по неосторожности. Впервые законодатель определил в качестве смягчающего обстоятельства душевное волнение, вызванное противозаконным насилием над личностью или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, применительно к причинению тяжких телесных повреждений. Что касается отягчающих ответственность обстоятельств, то в Уложении впервые сделан акцент на потерпевшего (ст. 469, 471, 472). Ответственность за покушение на причинение тяжких телесных повреждений по Уложению 1903 г. была менее строгой по сравнению с совершением окончательного преступления.

Подытоживая проведенный исторический анализ законодательства, действовавшего в Беларуси в досоветский период, можно сделать следующие выводы.

Уголовная ответственность за причинение тяжких телесных повреждений существовала уже с периода писаного права и впервые нормативно закреплялась в исторических памятниках, таких, как Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.

Понятие тяжкого телесного повреждения в эпоху становления и развития писаного права определено не было. Первое упоминание дефиниции тяжкого телесного повреждения приво-

дилось в Статуте 1566 г., а с точки зрения современного представления она была оформлена лишь в Уложении 1903 г.

На протяжении всех этапов исторического развития законодатель предусматривал особый статус умышленного причинения тяжкого телесного повреждения как наиболее опасного деяния, посягающего на здоровье человека.

Объективная сторона исследуемого преступления во все периоды развития права представляла собой конкретное противоправное деяние, от которого наступало неблагоприятное последствие в виде лишения какого-либо органа, утраты его функций и т. д.

Субъектом преступления являлось физическое лицо, которое с ходом исторического развития изменялось по возрасту привлечения к уголовной ответственности за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (7, 10, 14, 16 лет).

Субъективная сторона исследуемого преступления уже в эпоху феодального права разделялась по формам вины на умышленную и неосторожную.

Виды применяемых наказаний за преступление претерпевали изменения в процессе развития института наказания от штрафных санкций исключительно в пользу потерпевшего, что имело место в период феодального права, до форм публичного наказания (талион, лишение свободы, смертная казнь, каторга и т. д.) с целью предупреждения данного вида противоправной деятельности.

Исторический анализ уголовной ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений позволяет проследить эволюцию правовых норм, выделив основные этапы становления и развития элементов исследуемого состава преступления и институтов уголовного права, что представляет особый интерес для современности в целях понимания внутренних связей и закономерностей в формировании механизма защиты личности от насильственных посягательств.

Библиографические ссылки

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Акты Западной России. СПб., 1889.
2. Статут ВКЛ 1529 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.history.univ.kiev.ua/ukrbooks/letop/1529.zip> (дата обращения: 25.01.2011).
3. Статут ВКЛ 1566 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm> (дата обращения: 25.01.2011).
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года / пер. на бел. мову А.С. Шагун. Мінск, 2005.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб., 1845.
6. Уголовное уложение 1903 года. СПб., 1903.
7. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948.

Дата поступления в редакцию: 05.05.2011

УДК 343

В.В. Хилюта, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ТРЕБОВАНИЕ КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Рассматриваются актуальные вопросы квалификации вымогательства. Автором проанализировано вымогательское требование как признак объективной стороны состава преступления. Уделено внимание недостаткам законодательной конструкции вымогательства и предложено рассматривать вымогательство как завладение чужим имуществом посредством принуждения.

In article pressing questions of qualification of extortion are considered. The author analyses the requirement as a sign of the objective party of structure of a crime. The attention is paid to lacks of a legislative design of extortion and it is offered to consider extortion as plunder of another's property by means of compulsion.

Как известно, вымогательство представляет собой преступный акт сложносочлененного характера, всегда включающий в себя два взаимосвязанных действия: а) предъявление имущественного требования; б) угроза применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений. Тем не менее ни одно из